

Встреча, даже простая человеческая встреча — это невероятное космическое событие. Уникальность каждого при взгляде друг другу в глаза видна в самом потрясающем виде. Так происходит выход в совместный космос взаимного существования.

Каждая встреча — это образ некоторого особого соединения сущностей, когда одно предполагает другое не просто как некоторое соположение, но оно заинтересовано в другом, без иной уникальности не может существовать, оно заинтересовано в ней. При этом их взаимодействие не приводит к некоему слиянию и уменьшению каждой уникальности сущности, а скорее к некоему сиянию: это вспышка, она освещает каждую сущность и прибавляет нечто. Взаимодействие приводит к тому, что каждая отдельность, каждая уникальность возрастает.

Встреча не только с человеком, но и с предметом: как говорил Рильке, вещи поют. Это созерцание другого, вещи, животного, человека как наиболее сильного и взрывоопасного, способного к аннигиляции. Ведь встреча может в любой момент превратиться в нечто враждебное, люди даже в бытовом разговоре легко вспыхивают и расстаются. Это удивительная и странная вещь.

**Из интервью с поэтом и физиком
Владимиром Аристовым журналу «Нож»**

Все события и персонажи вымышлены.

Любое сходство с реальными событиями, любые совпадения с реально живущими или когда-либо жившими людьми случайны.

Данный текст публикуется в авторской орфографии и пунктуации, так как это (со слов автора) является частью сюжета и любое его редактирование приведет к искажению смысла и повлияет на то, что пытался нам сказать его автор.

#0

Знаешь, иногда мне кажется, что я придумываю себе все сам.

Всех людей, которых я встречаю.

Всех тех, в кого влюбляюсь, люблю или, может быть, любил.

И до слез горько, что не могу ничего проверить.

И больно.

Больно оттого, что я чертовски хочу знать, как относиться ко мне именно этот человек.

Хоть и не знаю, что потом буду делать с этим ЗНАНИЕМ.

Но я все равно хочу!

Причем я чертовски уверен, что окажется все именно так, как я себе и представлял.

Ну, хорошо. Я надеюсь, что это будет именно так. Что в меня тоже влюбились несмотря на то, что у них было... несмотря на то, что у них есть сейчас... несмотря на то, что у них могло бы быть потом... несмотря на то, что все это я придумал... в одиночку... сам себе... Но меня всегда останавливает только один момент: я уверен, что справлюсь с этим, а вот тот другой человек — нет.

Но как последняя эгоистическая сволочь я все равно хочу знать, что тот человек, в которого влюбился я, тоже меня любит. Даже если он тоже, как и я, знает, что из этого НИЧЕГО и НИКОГДА ни хрена не выйдет.

Так странно, смешно и нелепо — ведь я же пытался узнать, подстраивал ситуации, когда можно было бы все прояснить, но что-то всегда в самый последний момент уводило от ясного ответа... Словно чья-то рука отшвыривает нас в разные стороны, видимо, срабатывает предель-

но чуткий предохранитель целостности вселенского мироздания — щелк, и нет уже никакой перегрузки — все целы и никто не погиб.

И я остываю... Чувствую себя счастливым, потому что спасся, потому что нас пронесло мимо скал, о которые кто-кто (а может быть, даже и я) точно бы разбился.

Вот зачем тогда вообще нужно было выяснять — любишь ты меня или нет?

Это же настоящее чудо, что в этот раз все остались живы.

Мы улыбаемся тому, как искусно пройдены рифы, как неожиданно успокоилось море, как тихо и мирно плывут наши корабли рядом... Как сначала они искусно делают вид, а затем и взаправду не замечают друг друга так, словно вообще ничего и никогда не было.

Так проходит год, два, десять... Не знаю, как вам, а мне хорошо от одной лишь мысли, что когда-то мы плавали с тобой рядом, что неслись по волнам, одним на двоих, попутным ветром, смеялись над тем, как я говорил тебе «вы», и смотрели друг другу в глаза так, что чуть не разбились о подводные камни. И эта светлая ностальгия была бы прекрасной, если бы не одно маленькое «но».

Дурацкая случайность, как одна единственная ступенька не того размера на лестнице, которая должна была быть сделана по ГОСТу абсолютно такой же, как и все остальные...

Но ты оступился... и все как всегда... трусливые мысли одна за одной — я не так красив, я не так богат, я не так умен, я не так силен — приводят тебя к обязательному финальному аккорду «я не достоин», и невидимая рука в тот же миг отбрасывает тебя куда подальше, где спокойно и тихо, как в раю...

Но по сути же в пустоту и одиночество, туда, где такие, как ты, просто не водятся.

А может быть, надо было на рифы, а?! Но зато с тобой, разве нет?!

— Может, хватит уже ненавидеть себя по ночам за трусость? Может, хватит при свете дня, чтобы все видели, складывать руки домиком и вежливо говорить спасибо обладателю этой спасительной руки за то, что он в очередной раз отвел тебя (нас) от реальной беды? А точно «от беды»?

«От реальной» — ты уверен? «Тебя» или «ОТ тебя»? Олесе-ег, ты чего молчишь? Спишь?

— Я засыпаю.

Я знаю, что я умер, но мне нестрашно от этой мысли.

Я в небе, а внизу скромное, тихое и ухоженное кладбище.

Вот под этой ивой моя могила.

Мое тело там внутри на глубине двух метров, а сам я над землей и все сверху вижу...

Найти меня не сложно. Ива тут одна, вокруг в основном березы да ели.

И вот они — те люди — живые — их совсем немного — и они тут все.

Нет. Не все сразу, а поодиночке, в разное время, в разные дни, идут по темным от вчерашнего дождя дорожкам ко мне, оглядываясь по пути, каждые десять метров, по сторонам, будто не хотят, чтобы кто-то другой их тут заметил... Останавливаются у ограды или подходят к моей могиле ближе и смотрят на нее так, словно ясно видят меня сквозь толщу этой почерневшей от воды земли...

У тебя шевелятся губы, и я спускаюсь ниже, сажусь на ветку ивы, чтобы попытаться услышать или разобрать слова. И в этот момент сквозь узкие листья моего любимого дерева я вижу, как что-то блестит у тебя в глазах...

Но что это?

Это что, слезы?! Или это просто плачет ива, избавляясь от лишней влаги, и блестит, отражаясь в твоих глазах, листочками в лучах утреннего солнца.

Нет, нет и НЕТ! это не слезы!

Я вижу то, что мне было так необходимо, когда я был живой.

То, чего я хотел знать тогда, когда мы были рядом.

Я впервые по-настоящему счастлив.

Но также нельзя!!!

НЕЛЬЗЯ!!!

Мне становится жутко...

ЖУТКО стыдно за то, что я испытываю это счастье сейчас!

Тогда, когда меня уже нет.

И только одно меня успокаивает — ведь они, слава богу, живы.

Но почему же я не был счастлив тогда?

Неужели только из-за того, что я не знал наверняка их отношения ко мне тогда, когда был жив?

Я пытаюсь закричать, но никакого звука нет. Я спрыгиваю с дерева и пытаюсь побежать, но ноги не слушаются. И тут я понимаю, что это сон. Я никогда не умел ни бегать, ни кричать во сне. Чтобы проснуться — мне надо забраться куда-нибудь высоко-высоко и спрыгнуть вниз. В момент касания земли — я просыпался всегда. Летать получалось через раз. Сейчас не вышло. Я залез на сосну, так как ива была недостаточно высокой и спрыгнул.

Я встал с кровати и дошел до ванной, включил свет, умылся и посмотрел на себя в зеркало:

— БЛИН, А ВЕДЬ Я ХОЧУ ЗНАТЬ ПРЯМО СЕЙЧАС, ПОКА Я ЖИВ, ЧТО ЧУВСТВУЕТ КО МНЕ ИМЕННО ТОТ ЧЕЛОВЕК, МИМО КОТОРОГО Я НЕ МОГУ ПРОЙТИ МИМО.

— Не-а, — усмехнулось в ответ Зеркало. — Так не работает.

— Почему?

— Потому что этого хочешь ТЫ, а не они, — важно заявило оно. — Ты же постоянно только и делаешь, что якаешь. Не заметил, что ли? А отсюда вывод — тебе плевать на чувства других. Ты, Олег, — типичный эгоист.

— Это что, новость? Я знаю.

— Во-о-от! — рассмеялось Зеркало. — В этом-то и проблема. Ты ощущаешь себя самой последней эгоистической сволочью. А это как раз то чувство, которое не дает тебе понять, как относится к тебе другой человек. Соответственно, контакта и не получается. Никому же не хочется любить такого человека, который уверен, что его любить не за что.

— Полюби себя, и тебя полюбят другие.

— Вот. Знаешь же! А ты все «сволочь, да сволочь».

— Ну...

— Что «ну»? Надо просыпаться, Олег, и идти работать.

Пора уже...

— Если ты все знаешь, то, может, ответишь, когда я проснусь?